

—а Воспочане шакъ безмысленны, шакъ безчувственны, шакъ миролюбивы опѣ пого, чпо всѣ молчашь и сидяшъ неподвижно.

Однако я намекну на прошивное: у Европейцевъ опѣ пого *шумъ* и *крикъ*, чпо у нихъ въ ходу шолько *разговоръ*: у Воспочанъ опѣ пого *тишина*, чпо у нихъ господствуетъ *разказъ*. Всякій догадашься можешъ, чпо *разговоръ* ведешъ къ шуму, къ крику, къ спору, къ дракъ; а *разказъ* къ любопытству, къ шпшинъ, къ уваженію. — Таково свойство *разговора*, въ копорый всякій имѣешъ право вспавишь свое или *глупое* или *пошлое* словцо, — въ копоромъ нѣшъ ни единства, ни плавности, ни единомыслія, ни цѣлости, — копорый походишь на *ботвинье* съ его незрѣлыми плодами, съ его полугнилыми, полувялыми крошками, конхъ безвкусіе маскируешъ шолько влагою холоднаго приличія. — Таково свойство *разказа*, въ копорый никакъ ничего не можешъ вспавишь, боишя вспавишь, чшобы не поперяшь ниши въ любопытной испорці, въ копорой царствуетъ *единство* и *простота*, цѣлость и полнота, — копорый новостью своею увлекаешъ все вниманіе, содержаніемъ своимъ прогаешъ слушаателей: *штъ!* дѣло идешь объ участи, несчастіи, жизни чьей-либо.

И шакъ *болтливость* не соспощъ въ участи въ шумномъ разговорѣ, въ копорый можешъ вмѣшашъ свое словцо, и поддерживашъ его и самый неболшливый человекъ. Но чшобы бышь *разкащикомъ*, чшобы говоришь цѣлый часъ сряду, надо бышь именно болшуномъ.

Сколько разъ ни случилось мнѣ бывашъ, изъ любопытства, въ кофейняхъ Задунайцевъ, вездѣ я находилъ